

Ольга Старушко
Корабельная сторона

Стихи

Ольга Старушко

Корабельная сторона

«Издательские решения»

2015

Старушко О.

Корабельная сторона / О. Старушко — «Издательские решения»,
2015

Эта книга стихов — посвящение Севастополю: городу детства, городу мечты,
городу русской воинской славы и гордости на все времена.

© Старушко О., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Календарь	6
«Две сплошные. Всю дорогу – две сплошные...»	7
Брод	8
Соглядатай	9
Дозрела	10
Маяться	11
Непереводимое	12
«Я земля...»	13
«В Ростове падают каштаны...»	14
Ни зги	15
«Грешным делом, белым-белым...»	17
«Решительно, бесповоротно...»	18
За деньги	19
Сотрясение воздуха	20
Библиофилия	21
Уроки каллиграфии	22
Заутреня	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Корабельная сторона

Стихи

Ольга Старушко

© Ольга Старушко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Календарь

Смену сезонов в городе
читаешь по трафаретам.
Унылость букв сообразна
самой манере письма.
«Купаться запрещено»
на шесте у берега – лето.
Тренога «Опасная зона»
в сосульках у дома – зима.

Иных посланий не будет,
даже и не надейся.
Весною – «Ремонт дороги».
Знаешь, чем их мостят.
На горке, откуда в панике
бегут трамвайные рельсы,
Ветер срывает осень
с провода «Листопад».

«Две сплошные. Всю дорогу – две сплошные...»

Две сплошные. Всю дорогу – две сплошные.
Ныне, присно и вовеки нераздельны.
Мимо них летят дневные и ночные
два безудержных потока параллельных.

Чтобы что-то неизменно было белым,
подновляет их ночами в ржавом свете,
полосатых свечек понаделав,
ангел в светоотражательном жилете.

И лежат середь бензинового смрада,
игнорируя решетки переходов,
целомудренно возлюбленные чада
свежей версией Тристана и Изольды.

Как у них там дальше сложится – не знаю,
но услышу: тормоза кричат визгливо.
Глядь: а дальше-то всего одна сплошная,
и на ней периодически – разрывы.

Брод

В прохладной полутьме подземных переходов
в три флейты дышит Гайдн: за рубль или за так...
Я у реки людской стою, не зная брода,
и думаю о переправах и мостах.

Мы были мастера крушить, сжигать и рушить —
и видишь, вон куда теченьем занесло...
Я опускаюсь вглубь. Гайдн просится наружу.
Флейтист свой инструмент вздымает, как весло.

Вот так мы и пройдем, мелькая в переходах,
и истечет река, и обмелеет брод.
...За рубль или трояк в любое время года.
Дешевле и Харон дотуда не берет.

Соглядатай

Яично-цинковой синички
дежурный утренний визит.
Стою, курю, ломаю спички —
сидит, через плечо глядит.

Голодный взгляд. Головка набок.
Затылок чёрен. Плащик сер.
Откроешь дверь – блюдет порядок
мой личный улиционер.

Ни зёрен ей, ни сальной шкурки:
квартира, сданная внаём.
И на балконе лишь окурки
и выстиранное бельё.

Как говорится, взятки гладки...
А съеду – невелик урон.
Конец четвертого десятка.
Еще не время для ворон.

Дозрела

Весь мир на кого-то и как-нибудь делится,
и в этом источник комедий и драм.
Собаки гуляют собаководовладельцев,
а кошковладельцы сидят по домам.

Вот клеть, где арбузы тюремными робами
толкались, пока их не пустят в расход.
Тут нынче повязаны елки: с сугробами
на несколько суток пришел их черед.

Пока в нас нужда, мы чего-то да стоим
и службу исполним в назначенный день.
Удел перезревших – служить перегноем
для елок, арбузов и новых людей.

Маяться

Чей воздух ласточки кроют,
лепя гнездо в проём оконца,
чуть не отхватывая прядь
с виска, обласканного солнцем?

Чью чепуху несёт ольха?
Ей голову морочит ветер
и дразнит пухом паука,
на муху ставящего сети.

Чей золотой запас в траве
из одуванчиков растерян?
Чью ночь щекочет соловей
вдоль самой сонной из артерий?

Чью канитель разводит дождь
и, как ненужные вещицы,
швыряет бусины – не трожь! —
в ладонь, на темя, на ключицы?..

Чей ритм, радуясь – нашёл! —
толкает в грудь смелей и чаще?
Чей мотоцикл-богомол,
завидя путь, усы таращит?

Чьей басовитой маемой
полны березовые косы?
Чьё это всё? Совсем простой
и самый важный из вопросов.

Непереводимое

Эта ночь от дождя соловееет,
влажно дышит сиреневым ртом,
машет кистью – правее, левее —
не жалея о том, что потом...

Чтобы с нею теснее обняться
и увлечь её под локоток,
загибают коленца два братца:
слева – *вовчик*, а справа – *витёк*.

И сирень поразвесила уши
и дрожит их томлению в такт,
не гадая, кто хуже, кто лучше,
и не мучаясь – так ли, не так...

Вот и нам под разбойничьи трели,
чью-то дрожь ощущая плечом,
зачастить, ни о чём не жалея,
ни о чём, ни о чём, ни о чём...

«Я земля...»

Лес проснётся – и вот оно, лето.
Под свистки соловьиных команд
на поляне с лучами рассвета
одуванчик примерил скафандр,
рядом штурман за миг до полёта
проверяет готовность систем,
и дублер их, ещё желторотый,
завтра тоже получит свой шлем —
и прощай, не держи их, опушка,
только солнце с утра припечёт.
Ключ на старт! Им из тени кукушка
начинает обратный отсчёт.
Что с того, что границы вселенной —
вон до этих берёз в аккурат?
Одолев притяжение, из плена
взмает белоголовый отряд,
и в потоках звенящего зноя,
где снуют большегрузы-шмели,
поплывёт, чтобы длилось земное,
за пределы привычной земли:
там из них ни один ещё не был.
Открывают миры. И вослед
им люпины нацелились в небо
мирадами сизых ракет.
В их вселенной, для нас невеликой,
только так – наобум, наугад.
Я земля, говорит земляника,
да куда им!.. Не слышат. Летят.

«В Ростове падают каштаны...»

«В Ростове падают каштаны...»
Осенний вечер молчалив.
И Дон, укутанный туманом,
влечет туда, где ждет залив.
Нечаянные выходные —
и напоследок проняло...
Стоят каштаны, как родные.
И как на родине, тепло.
Пустая кожура в иголках
валяется на мостовых.
Поплакать бы, да много ль толку —
не о своем и при чужих?
А голос из-за океана,
тягучий, как осенний мед,
тоскует о твоих каштанах,
Ростов... Нам разрешают взлет.

Ни зги

Он снисходит до нас
лишь когда ему будет угодно.
Не вольны мы загадывать даже,
как ляжет,
как выпадет кость.
И охота ли быть
мельтешеньем мишеней
в угодьях,
где он лепит подряд
в молоко,
этой ночью нагрянувший гость?

Он такой конформист,
то бишь мастер
обкладывать ватой,
обволакивать, как компромисс,
что-то сглаживать,
скрадывать суть —
только дай закружить,
завертеть,
заморочить!
Запрятать
еле видимый свет,
исчезающий след,
ускользающий путь.

Нас накрыло зарядом.
Сгустился разреженный воздух.
Подле, рядом, окрест
растворенье небес —
ни опоры,
ни зги.
Поезда опоздают.
Никто не летает.
Витают угрозы.
Как секут эти розги!
Секундная боль —
и вздохнуть не моги...

Рты заткнул.
По рукам повязал
и препоны поставил.
Позаклеил глаза.
И по полной использовал вето.
Руководствуясь сводами

свыше отпущенных правил,
распоясался.
Лёг.
И останется с нами.
До лета.

«Грешным делом, белым-белым...»

Грешным делом, белым-белым,
липнет стылым, сыплет мелом
по ветвям обледенелым:
спи, шиповник, спи, жасмин.
Чиркает скребок лопаты,
добираясь до асфальта.
Вязнет звук шероховатый
в толчее голов и спин.
Сыт по горло похоронным,
кашей снежной и солёной,
захлебнется хлипом, стоном
город, меркнувший с лица.
Есть шипы, но нет жасмина.
Если снег, то тоже – в спину.
И рябит в глаза рябина
ради красного словца.

«Решительно, бесповоротно...»

Решительно, бесповоротно
погашен свет поры осенней.
Показывают зиму в окнах,
причем во всех без исключения.

Совсем иное нужно зренье
для крупных планов с проработкой
нюансов каждой полутени,
смягченных линий или четких.

А жизни каждое мгновение,
себе во всем противореча,
верно себе: то приз, то пеня...
То свет, то тень. То чёт, то нечет.
И мы, отринувши сомненья,
ступаем в снег. Зиме навстречу.

За деньги

Ах, уехать бы мне в Ярославль,
город с тысячной синей купюры!
На мосту вострепелось ото сна:
лёд на Волге в разводах гравюрных.
На вокзале – эскорт, «мерседес»,
крепко сбитые парни в цивильном.
И казённый во всем интерес.
Даже пленка на лужах – чернильная.
Взгляды липнут, как деньги к деньгам,
перетянутым синей резиной.
И за стеклами синяя гарь
От заводов моторных и шинных.
Стиснуть зубы – скорей бы вокзал,
Дым из тамбура, кофе на столик...
Что ж, потратили день – и назад,
в стольный град. И цена ему стольник.

Сотрясение воздуха

Ветрено. Веет вдаль, вдоль бульвара Цветного.
Носит пыль перемолотого языками.
Те, кому не дано ни сказать, ни услышать слова,
воздух колеблют здесь, речи держа руками.
Черпая смысл из воздуха, из ниоткуда,
жестам внимая, и как внимая – мороз по коже —
ты осознаешь, какого сподоблен чуда,
раз говорить и дышать – не одно и то же.
В толпе, через каждое слово блюющей матом,
слух осквернен, словно воню питья и пищи.
Воздух не сотрясай. Смолчи, ощутив утрату
речи, доставшейся даром.
Руками и правда – чище.

Библиофилия

Склад заветов. Запалов. Семян. Генофонд
обладавших пожизненно речью. Вербарий
ожидающих часа гамет и зигот:
створки тайны творения – парные твари.

Нас оплодотворит концентрация слов.
Алгоритм to be откровенно бинарен.
От заюзанных байблов дуальных эппллов
до корней языков наших, кельтов и арий,
от эдемовых куш до терновых кустов
тесен строй корешков и беснуется эхо.
И марают пленки хлопчатых листов
наши чада, зачатые в библиотеках.

Уроки каллиграфии

I

Листай небеса, перелистывай!
И думай, вздыхая завистливо:
вольно же летать журавлю!
И в небо вонзаясь, как кистью,
крылом иероглифы вписывать
в излюбленном стиле фэн лю.

II

Прописан кисточкой полусухой
рассвет:
дома,
заборы,
стены,
крыши...
Зиме еще трудиться день-деньской,
чтоб черного
совсем не стало слышно,
чтоб крошкой льда
беда
или вина
под робкими шагами не хрустела.
И устилает поле тишина.
И мир заполнен
п а д а ю щ и м б е л ы м.

Заутреня

...И после изнурительной всенощной
мы – плоть от плоти – преломляем хлеб.
Не будь, всевышний, холоден и слеп
и осени своим дыханьем мощным
сердца двоих, что с тлением боролись,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.